

ЗОЛОТОЙ ФОНД РОССИЙСКОГО ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЯ

К 75-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОБЕЛЕВА

Вопрос: на разных этапах своей деятельности Вам посчастливилось встречаться со многими выдающимися государственными и политическими деятелями Вьетнама. Просим Вас рассказать о наиболее запомнившихся встречах. Что значили эти встречи для Вас, как человека, связавшего свою судьбу с судьбой Вьетнама?

Ответ:

Я, конечно, начну с Президента Хо Ши Мина. Можно считать, что именно благодаря ему в 1958 г. моя жизненная стезя сделала вдруг неожиданный, но приятный поворот. Одним из важных соглашений, подписанных по итогам первого официального визита Президента ДРВ в нашу страну в 1955 г. стало соглашение между правительствами двух стран об обучении граждан ДРВ в высших и средних учебных заведениях СССР, которое предусматривало также ежегодный обмен студентами между обеими странами. В первые же годы после его подписания более 3 тысяч вьетнамских юношей и девушек стали студентами советских вузов.

Как рассказал мне впоследствии один из работников министерства высшего образования СССР, в 1958 г. Президент Хо

Ши Мин снова приехал в Москву и как-то в беседе с представителем советского руководства высказал сожаление, что Вьетнам уже направил на учебу в СССР тысячи своих студентов, а советская сторона до сих пор ни одного. Я был тогда студентом второго курса Института восточных языков при МГУ (ныне — ИСАА МГУ), изучал вьетнамский язык, историю и литературу Вьетнама, и мне казалось несбыточной мечтой побывать в этой далекой, уже полюбившейся стране. И вдруг неожиданно поступает приказ деканата срочно готовить документы к отъезду, и всего через три недели я уже стою на перроне ханойского вокзала Hang Co в составе первой группы российских «lưu học sinh» (иностранных студентов) историко-филологического факультета Ханойского университета.

Не прошло и полгода после моего приезда в Ханой, как мне посчастливилось лично увидеть и слышать Президента Хо Ши Мина. Весной 1959 г. студенты Ханойского университета вместе с населением столицы участвовали в традиционном воскреснике по посадке деревьев вокруг озера Баймау. Совершенно неожиданно для всех нас, в разгар воскресника, Хо Ши Мин появился среди студентов и школьников, бросил, по своему обычаю, пару шуточных, теплых фраз и вместе со всеми участниками воскресника стал рыхлить землю для саженцев деревьев. В те годы район Баймау был заброшенным пустырем; теперь же, через полстолетия, вокруг озера раскинулся обширный, хорошо ухоженный парк, носящий имя Единство. Все последние годы, когда я приезжаю в Ханой, я обязательно нахожу время проехать мимо этого парка и вспоминаю дни своей молодости, первую мою весну во вьетнамской столице, и, конечно, самую первую встречу с Президентом Хо Ши Мином.

Следующее по времени и самое волнующее воспоминание — это XXII съезд КПСС (1961 год), когда мне, тогда еще студенту, доверили синхронный перевод приветственной речи Хо Ши Мина, который как председатель Партии трудящихся Вьетнама возглавлял вьетнамскую делегацию.

На XXII съезде КПСС была впервые организована группа синхронного перевода из советских вьетнамоведов. Ни у кого из нас в таком наиболее трудном виде переводческой работы еще

не было никакого опыта. Поэтому после первого же дня работы съезда представитель отдела ЦК КПСС поинтересовался у вьетнамской делегации, как они оценивают работу переводчиков. Никогда не забуду, как Хо Ши Мин, дав краткую характеристику каждому из нас, лично обо мне сказал следующее: «У этого парня, который говорит баритоном, хорошее ханойское произношение». Значит, не зря поработали надо мной незабвенные наши преподаватели вьетнамского языка историко-филологического факультета Ханойского университета — профессора Нам, Кань и другие. Чувства благодарности к этим прекрасным людям и педагогам сохранились у меня на всю жизнь.

В период работы постоянным корреспондентом ТАСС во Вьетнаме (1964—1967 гг.) мне, естественно, приходилось часто бывать на официальных мероприятиях с участием Президента Хо Ши Мина. Через два года после начала воздушной войны США против ДРВ в здании Национального собрания на площади Бадинь состоялся общенациональный слет вьетнамских воинов, отличившихся в боях с американской авиацией, на который я был приглашен как представитель прессы. После того, как большой группе офицеров и солдат были вручены звезды Героев Вьетнама, Хо Ши Мин неожиданно встал из-за стола президиума и произнес импровизированную, очень человечную речь. Характерный для него «нганский акцент» мешал мне схватывать все его слова, но, к счастью, сидевший рядом со мной офицер-зенитчик любезно согласился «переводить» мне на ханойский диалект. Хорошо помню основной смысл этой речи: Вьетнамский народ не сломить; чем выше эскалация агрессивной войны США, тем больше наш народ рождает героев; самое яркое свидетельство тому — звезды героев на гимнастерках большого числа участников слета.

Во время работы в Международном отделе ЦК КПСС (1968—1991) мне не раз приходилось встречаться с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном и премьер-министром ДРВ, а затем СРВ Фам Ван Донгом. Оба этих лидера сыграли выдающуюся роль в истории Вьетнама, так как руководили партией и страной в самые тяжелые и славные годы — годы борьбы про-

тив американской агрессии, за освобождение Юга Вьетнама и воссоединение родины.

С Ле Зуаном мне однажды посчастливилось два часа лететь вместе в самолете. Делегация КПСС, в состав которой включили и меня, летела через Ханой в Пномпень на съезд Народно-революционной партии Камбоджи. В ханойском аэропорту нам вдруг сообщили, что Генеральный секретарь КПВ приглашает нас в свой спецсамолет. А когда самолет взлетел, его помощник сообщил нам, что Ле Зуан приглашает нас в свой салон.

Чуть более часа мы летели над территорией Вьетнама; внизу расстился сказочно красивый хребет Чыонгшон. Глядя в окно, Ле Зуан рассказывал нам о своей революционной молодости, которая проходила где-то в этих краях, о знаменитой «тропе Хо Ши Мина», проходившей через этот горный район, о том, как и он сам не раз пользовался этим маршрутом еще в период борьбы против французских колонизаторов. Рассказывал о том, как в годы второй войны сопротивления против американской агрессии эта тропа превратилась в искусно скрытую в зарослях джунглей широкую дорогу, по которой с Севера на Юг шли и ехали добровольцы, перебрасывались вооружение и продовольствие; о том, что «тропа Хо Ши Мина» стала пуповиной, соединившей Север и Юг, которую американцы, как ни пытались, так и не смогли перерезать.

Что касается Фам Ван Донга, то первая моя встреча с ним произошла еще в далеком 1960 г., когда я был студентом Ханойского университета. Однажды в нашем посольстве произошел какой-то сбой с переводчиком (а тогда мидовцев, знающих вьетнамский язык, были единицы), и посла сказали, что есть один студент, который вроде бы хорошо говорит по-вьетнамски. И вот к дому на улице Нгуен Зиа Тхьеу, где мы жили, подъезжает машина посольства, и мне говорят, что посол дал указание привезти меня в международный клуб, где состоится прием по случаю визита в ДРВ министра внешней торговли СССР Н.С. Патоличева, и что я должен переводить его беседу с премьер-министром Фам Ван Донгом.

До сих пор помню, какие это были для меня позорные два часа. Я «плавал» не только во вьетнамском, но и в русском язы-

ке. Так, они довольно долго обсуждали вопрос о поставках из СССР какой-то фрезы (тогда я еще не знал, что это такое, что вполне простительно). Помню, Фам Ван Донг, который оказался очень приятным и доброжелательным человеком, сам разъяснил мне, что это такое, и после этого добавил: «Не робей, парень. У тебя хороший вьетнамский язык».

В Международном отделе ЦК КПСС я курировал связи нашей страны с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). В ЦК НФОЮВ входило несколько десятков человек, и практически все они побывали в нашей стране либо в официальных делегациях, либо на отдыхе и лечении. Сейчас эти люди уже почти полузабыты, а я их всех помню, так как все они вначале были «моими» гостями, а в конце нашего общения становились моими близкими друзьями. И, прежде всего, нужно сказать о Председателе ЦК НФОЮВ Нгуен Хыу Тхо. Я сопровождал его в поездке по нашей стране — Ленинград, Ташкент, Сочи. Удивительно скромный и в то же время очень волевой человек. Мне даже показалось, что в его характере, в манере поведения и общения с людьми было что-то, напоминавшее молодого Хо Ши Мина.

Особенно теплые воспоминания у меня остались от встреч с министром иностранных дел НФОЮВ, а затем Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам «мадам» Нгуен Тхи Бинь, как ее любовно звали тогда участники международного движения солидарности с Вьетнамом. Когда в Париже начались вьетнамо-американские переговоры, она, как и другие представители ДРВ и ВРП РЮВ, летала туда через Москву, и я, как правило, встречал и затем провожал ее в аэропорту.

Понятно, что наиболее памятна мне встреча с ней в конце января 1973 года, сразу после исторической политико-дипломатической победы вьетнамского народа — подписания Парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Ее поселили в гостинице «Октябрьская» (ныне — «Арбат»), и вечером я пришел к ней в номер поздравить с великой победой. Мы выпили по бокалу шампанского, затем она показала мне несколько дисков, купленных в Париже, с песнями знаменитых французских шансонье. Так как я

тоже знаю французский язык и люблю Ива Монтана, Эдит Пиаф и Шарля Азнавура, мы неожиданно спели с ней дуэтом несколько куплетов из репертуара этих шансонье.

В тот вечер я спросил мадам Бинь, знает ли она, что о ней во Вьетнаме сочинили очень интересное «казао» (что-то вроде наших частушек). Она ответила, что нет, и я тут же продекламировал ей двестише:

Ba Binh day Nich-xon xuong hao,

Cu Mao quo gay nhieu Nichxon vao bo.

Подстрочный перевод: Госпожа Бинь столкнула Никсона в яму.

Старец Мао подал Никсону трость

И вытащил его наверх.

Это двестише сочинили в 1972 г., после того как в самый разгар американской агрессии во Вьетнаме по приглашению Мао Цзэдуна президент США Никсон впервые посетил КНР с официальным визитом, что, естественно, вызвало возмущение среди вьетнамцев. Можете себе представить, каково было удивление госпожи Бинь, когда она услышала казао лично о себе, да еще из уст советского представителя.

После войны Нгуен Тхи Бинь заняла высокий пост вице-президента Социалистической Республики Вьетнам. Последний раз я виделся с ней в 2008 г. на Международной конференции вьетнамоведов в Ханое. Тогда она уже вышла на пенсию, но выглядела все еще довольно молодо, и ее лицо, как и прежде, то и дело озарялось обаятельной улыбкой, знакомой по многим фотографиям и кинокадрам 1960—1970-х годов.

И, наконец, первый посол НФОЮВ и ВРП РЮВ в Советском Союзе — незабвенный Данг Куанг Минь. Несколько лет, начиная с 1968 г., мы с ним тесно общались по работе чуть ли не каждый день. Старейший функционер КПВ, участник партизанского движения в Южном Вьетнаме, яркий представитель вьетнамской интеллигенции, он вместе с тем был дипломатом «самой высокой пробы». Он умел невероятно легко «очаровывать» всех тех людей, с кем общался по роду своей работы. Его знали лично многие члены тогдашнего Политбюро ЦК КПСС. Данг Куанг Минь много ездил по нашей стране, особенно любил бывать в бывших партизанских районах времен Великой

Отечественной войны. Он скрупулезно изучал опыт партизанского движения в СССР и стремился установить прямые связи НФОЮВ с этими районами.

Как никто, Данг Куанг Минь высоко оценивал роль журналистов в поддержке правого дела вьетнамского народа, поэтому у него было своего рода «хобби» — ежегодно он устраивал в своем посольстве приемы для журналистов, куда приглашались, прежде всего, те из них, кто регулярно освещал тему борьбы патриотических сил Южного Вьетнама. В то время я на эту тему регулярно писал статьи и очерки в газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», в журналы «Огонек», «Новое время» и др. Между тем тогда в ЦК было заведено правило, что сотрудники, особенно, Международного отдела, должны были выступать в прессе только под псевдонимами.

У меня был псевдоним — Евгений Васильков. Данг Куанг Минь несколько раз жаловался мне, что регулярно приглашает на прием в посольство «этого Василькова», а тот почему-то не приходит. В конце концов, мне пришлось наплевать на «конспирацию» и на одном из приемов я признался ему: «Васильков — перед вами». Он расхохотался, и на его лице отразились и удивление, и восхищение, и чувство благодарности.

В 1970 г. по приглашению ЦК КПСС Советский Союз посетил председатель Союза демократических и миролюбивых сил Южного Вьетнама доктор Чинь Динь Тхао. Этот союз был создан на волне мощного подъема национально-освободительной борьбы на Юге Вьетнама, в него вошли представители городской интеллигенции, выступавшие за ликвидацию американско-сайгонского режима. Чинь Динь Тхао оказался очень приятным и простым в общении человеком. После поездки по нашей стране, а тогда, как вы помните, СССР был в расцвете сил, он сказал мне: «Я раньше не имел представления о том, что такое социализм, но теперь после всего увиденного своими глазами, я обеими руками голосую за такое будущее нашего Вьетнама».

Интересно, что совсем недавно, работая над историческим очерком о последнем императоре Вьетнама Бао Дая, я неожиданно для себя обнаружил, что еще в 1945 г. Чинь Динь Тхао был членом кабинета министров при Бао Дая и на заседании

22 августа вместе с большинством министров проголосовал за принятие требования фронта Вьетминь об отречении императора Бао Дая от престола и передаче всей власти в провинциях Центрального Вьетнама в руки Временного революционного правительства во главе с Хо Ши Мином.

Вопрос: В своей жизни Вам привелось быть функционером, журналистом, ученым, переводчиком. Что в каждом из этих качеств значили для Вас Вьетнам и вьетнамский язык? Чем был памятен, полезен для Вас и как для вьетноведа, и как для человека каждый из этих жизненных этапов? Какой из этих периодов Вы чаще вспоминаете?

Ответ:

Если идти по ступеням развития моей жизни, то я бы немного поменял порядок этих слов: переводчик, журналист, функционер, ученый.

Как поется в песне, «юность ушедшая ... бессмертна», поэтому сегодня, с высоты прожитых лет, самым романтичным и памятным отрезком моей жизни мне представляются учеба в Ханойском университете и последующая работа переводчиком. Вьетнамский язык — один из самых сложных восточных языков; он тональный, причем если, например, в китайском языке четыре тона, то во вьетнамском — целых шесть. В первые годы нашей учебы в ИВЯ при МГУ там не было вьетнамских преподавателей, в итоге эти шесть тонов каждый из нас изображал, как мог. Когда в 1958 г. я приехал в Ханой, то, естественно, поначалу безбожно путал тона, в результате в моей речи то и дело слышались не те слова, которые я хотел сказать. Сколько из-за этого в первые месяцы возникало нелепых или смешных ситуаций при разговорах с вьетнамскими друзьями!

Учеба в Ханойском университете — это было, поистине, каждодневное проникновение в глубинную суть вьетнамского языка. Мы подробно изучали классику вьетнамской литературы — роман в стихах о девушке Киеу великого поэта XVIII века Нгуен Зу, «Плач жены воина» поэтессы Доан Тхи Дьем, стихи с двойным смыслом поэтессы Хо Суан Хыонг, искрометные народные казая. До сих пор помню наизусть отдельные куски из

этих классических поэм и большое количество стихов и казао. К сожалению, сейчас так уже не преподают вьетнамский язык не только в России, но и иностранным студентам во Вьетнаме.

Вернувшись в Москву после двух лет учебы в Ханое, я уже почти свободно говорил на вьетнамском языке и, естественно, рвался работать переводчиком. И здесь я вдруг столкнулся с неожиданным феноменом: если с русского на вьетнамский мне было переводить довольно легко, то с вьетнамского на русский — почему-то неожиданно трудно. Оказалось, что у меня не хватает знания русских эквивалентов, то есть я практически все понимал по-вьетнамски, но грамотно по-русски сформулировать это мог не всегда.

Еще в период обучения в ИВЯ я начал работать переводчиком в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ — переводил на вьетнамский язык лекции по философии, политической экономии, истории КПСС и комсомольской работе для вьетнамских слушателей, которые ежегодно группами по 10—15 человек приезжали на учебу. И вот эта школа стала для меня настоящей «школой вьетнамского и русского языков», потому что пришлось штудировать учебники по общественным наукам и с помощью словарей, а иногда и с помощью собственной фантазии, находить соответствующие друг другу эквиваленты в обоих языках. Одним словом, если за время учебы в Ханойском университете вьетнамские преподаватели помогли мне, говоря высоким слогом, проникнуть в глубины вьетнамского языка, то работа переводчиком в ЦКШ позволила упорядочить мои знания и совместить между собой особенно сложные политические, экономические, философские русские и вьетнамские термины.

Для представителей нашего молодого поколения, изучающих сегодня вьетнамский язык, хотел бы высказать следующие пожелания или даже рекомендации. Для того чтобы стать профессиональным переводчиком, особенно синхронистом, нужны, как минимум, два основополагающих условия: во-первых, общая высокая культура, глубокое знание русского языка, истории и культуры России; во-вторых, необходимо, как артисты готовят роль, тщательно готовиться к каждому переводу, доско-

нально знать тему предстоящего перевода. После XXII съезда КПСС я, «попав в обойму», работал синхронным переводчиком на следующих съездах КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов. И перед каждым съездом мы, синхронные переводчики, несколько дней, иногда на закрытой даче, штудировали содержание основных докладов. И когда входили в кабины синхронного перевода, для нас практически не было проблем с терминами и особенно неологизмами, вроде «доение коров елочкой», звучавшими в докладах и прениях.

Отдельная тема — перевод двусторонних переговоров. В апреле 1964 г. мне доверили переводить переговоры делегации КПСС, которую возглавлял М.А. Суслов, и делегации КПВ, которую возглавлял первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан. Переговоры проходили в довольно острой атмосфере, так как то было время, когда быстро набирал обороты идеологический конфликт между КПСС и Компартией Китая, при этом каждая из двух партий пыталась привлечь ПТВ на свою сторону. Я впервые был участником таких серьезных переговоров и сделал для себя два весьма важных вывода: во-первых, все реплики обеих сторон необходимо переводить только от «я» (нельзя переводить: товарищ такой-то говорит ...); во-вторых, обязательно передавать интонацию собеседников, то есть надо ощущать себя непосредственным участником проходящей беседы. Эти два условия я старался соблюдать на протяжении всей своей жизни, когда по работе снова приходилось возвращаться «в шкуру» переводчика.

И, конечно, никогда не забыть мне три года работы журналистом на вьетнамской войне. Память выхватывает из этого военного прошлого массу отдельных, по-разному важных для меня фрагментов. Помню, как было страшно в первые недели после начала американских бомбежек — казалось, что все бомбы и ракеты летят в тебя, и как удалось вскоре найти «противоядие» — старенький фотоаппарат «Зенит», выданный мне в редакции ТАСС, которым я начал снимать все происходящее, и страх моментально сняло, как рукой.

Помню первое ужасное знакомство с жестокостями воздушной войны — огромную воронку от 1000-килограммовой амери-

канской бомбы на месте бывшей школы в сельской общине провинции Тхайбинь и 30 погибших вместе с учительницей вьетнамских мальчиков и девочек. Помню героический мост Хамжонг в провинции Тханьхоа, который американские самолеты бомбили десятки раз, а он продолжал гордо стоять над рекой. Помню, как в один из темных тропических вечеров по улицам Ханоя провели при свете прожекторов колонну первых десятков пленных американских летчиков; они шли по двое, соединенные наручниками друг с другом, в полосатых арестантских пижамах с номерами на спинах, а вдоль улиц, по которым их вели, плотной суровой стеной молча стояли ханойцы; лишь изредка они вздымали вверх сжатые кулаки, и в воздухе гремело мощное «Да дао!» («Долой!»).

В моих дневниковых записях особое место заняли «три не самых жарких дня» в мае 1967 г., как я назвал их в своем репортаже, когда жара достигала почти 40 градусов, а на Ханой лавина за лавиной накатывались истребители-бомбардировщики «F-105». В эти дни в каком-то яростном водовороте смешались безостановочные бомбежки, изнуряющая жара и огромный объем работы, когда приходилось часами, обливаясь потом, кричать по телефону, передавая срочные корреспонденции в ТАСС. И самое незабываемое событие этих трех сумасшедших дней: на моих глазах над Западным озером, метрах в пятистах от президентского дворца, вместе с обломками развалившегося в воздухе самолета вдруг появились точки парашютов с куполами красного цвета — один, второй, третий... Если бы не чудовищная канонада и не столбы дыма и гари над городом, могло бы показаться, что я стал свидетелем состязания парашютистов.

Одни из самых теплых воспоминаний о тех огненных годах — встречи и дружба с нашими писателями, поэтами, художниками, которые по зову сердца приезжали в сражающийся Вьетнам, чтобы словом и кистью выразить солидарность с его народом. В моем двухэтажном здании корпункта ТАСС на улице Као Ба Куат в те далекие дни побывали гостями поэт Евгений Долматовский, писатель Юлиан Семенов, художник Илья Глазунов, специальные корреспонденты «Правды» Юрий Жуков и Виктор Шарапов и многие другие.

Это было трудное, но прекрасное время. Никогда больше в своей жизни я не работал с таким невероятным напряжением сил, с такой страстной самоотдачей. Хотя никто меня не подгонял, никто не требовал работы сверх меры, тем не менее, у меня бывали, и не один раз, случаи, когда я передавал в течение одних суток по пять-шесть корреспонденций. Уже в Москве мне рассказали, что практически не проходило дня, чтобы в новостях всесоюзного радио не звучала фраза: «Корреспондент ТАСС Евгений Кобелев передает из Ханоя...». Она стала настолько, видимо, привычной для радиослушателей, что даже попала, в качестве подтверждения времени преступления, в детективную повесть братьев Вайнеров «Двое среди людей».

Что касается моей работы в качестве функционера, то я уже вкратце поведал об этом выше. Поэтому хочется рассказать о четвертом, может быть, самом лучшем этапе моей жизни — работе в стенах ставшего мне родным Института Дальнего Востока Российской Академии наук. Здесь находится мое славное детище, моя искренняя гордость как ученого-востоковеда — созданный шесть лет назад Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. Хотя наш Центр и немногочислен по составу, зато он объединил пусть не очень молодых, но высокопрофессиональных, самых знающих и известных вьетнамоведов. Благодаря общим усилиям, мы ежегодно выпускаем по 2—3 монографических исследования или сборника статей, публикуем десятки статей в академических и других журналах России, Вьетнама и стран АСЕАН, регулярно пишем аналитические записки с конкретными предложениями для руководящих российских инстанций. Естественно, квинтэссенция всех видов нашей работы — всемерно способствовать дальнейшему упрочению российско-вьетнамских отношений, укреплению позиций России в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Одно из важнейших достижений нашего Центра — мы развиваем тесные связи и научное сотрудничество со многими институтами Академии общественных наук Вьетнама, вместе с ними реализуем совместные научные проекты. Так, нынешний год у нас пройдет под знаком завершения весьма крупного совместного проекта с Институтом европейских исследований

ВАОН об истории российско-вьетнамских отношений начиная с XVIII века по сегодняшний день, который мы реализуем благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Наряду с научной работой, последние шесть лет мне приходится уделять довольно много времени общественной деятельности. На состоявшейся в апреле 2007 г. учредительной конференции было создано Общество российско-вьетнамской дружбы во главе с большим энтузиастом дружеских связей с Вьетнамом ректором Московской академии экономики и права профессором В.П. Буяновым, а я был избран первым заместителем председателя Общества.

Членами нашего Общества являются российские граждане, чья жизнь так или иначе оказалась связана с Вьетнамом — либо прошлой работой в этой стране, либо сегодняшними деловыми, научными, культурными интересами. Сегодня наше Общество имеет филиалы в 18 городах и регионах России и насчитывает в своих рядах более 5 тысяч активистов. Члены Общества проводят большую работу по дальнейшему развитию и укреплению всесторонних связей между нашей страной и Вьетнамом. В этом благородном деле мы получаем постоянную помощь и поддержку со стороны вьетнамского Общества дружбы с Россией. В 2010 г. в Ханое в присутствии президентов России и Вьетнама было в торжественной обстановке подписано Соглашение о сотрудничестве между двумя нашими братскими Обществами на 2010—2015 гг., которым мы сегодня и руководствуемся в каждодневной работе по наполнению конкретным содержанием отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между народами двух наших стран.

Вопрос: На что Вы могли бы нацелить, что посоветовать сегодняшней молодежи, изучающей Вьетнам, его язык, его историю, литературу, культуру? Не только в выборе профессии, но, главное, в своей любви к Вьетнаму.

Ответ:

Лет тридцать назад один из секретарей ЦК КПВ задал интересный вопрос заведующему сектором Вьетнама Отдела ЦК

КПСС: «Какими критериями Вы пользуетесь при подборе кадров для работы в Вашем секторе?». Ответ прозвучал тоже интересный: «Основных критериев три: знание Вьетнама, знание вьетнамского языка, и третий, возможно, самый главный — любовь к Вьетнаму».

И это действительно было так. Конечно, те же слова можно сказать о любом языке и о любой стране. Но, как показывает жизнь, эта формула особенно касается Вьетнама. Овладеть вьетнамским языком равнодушному человеку трудно. Вьетнамцы — очень самобытная нация. У них древняя и довольно не просто воспринимаемая европейским интеллектом культура. У них сильно отличающийся от нас менталитет. Вьетнамцы, как, впрочем, и представители других народов Восточной Азии, никогда вам впрямую не скажут нет, а постараются выразиться или поступить так, что вам станет ясно, что это несогласие. Есть у них и другие характерные национальные особенности.

Одним словом, надо, прежде всего, полюбить эту страну, чтобы по-настоящему овладеть вьетнамским языком, узнать и понимать вьетнамцев. И второе — вьетнамовед обязательно должен иметь достаточно полное представление о классической вьетнамской литературе и знать самобытный вьетнамский фольклор. В них — душа вьетнамского народа, которую не сыщешь ни в газетах, ни на интернет-сайтах.

Более полувека я связан с Вьетнамом и должен признать, что эта страна обладает невероятной, почти мистической притягательной силой. Как бы ни были трудны условия жизни во Вьетнаме, особенно в военные годы, меня каждый раз после возвращения на родину снова с неумолимой силой тянуло обратно. И что удивительно: встречаясь с российскими военными специалистами, воевавшими во Вьетнаме, я слышал от них буквально те же самые слова. А ведь они-то жили и трудились в крайне некомфортных условиях — изнуряющая жара летом и промозглый холод зимой, особенно где-нибудь в джунглях провинций Тхайнгуен и Хоабинь, где размещались наши ракетные центры, постоянные бомбежки и нервное напряжение, скудное питание военных лет... И все-таки практически все они и сегодня с огромной теплотой вспоминают о романтических годах,

прожитых во Вьетнаме, о своих вьетнамских друзьях, со многими из которых они продолжают переписываться, и все они мечтают снова побывать в этой притягивающей, как магнит, удивительной стране.

Размышляя над этим загадочным феноменом, я пришел к следующим выводам. Разумеется, Вьетнам — очень красивая, экзотическая страна, вьетнамцы — прекрасный, достойный народ. Но ведь то же самое можно сказать о многих других странах и народах. Думается, все же, что в основе этого феномена, лежат, скорее всего, две наиболее типичные черты и русского, и вьетнамского характеров — чувства сострадания и преклонения перед героизмом. А ведь история и нашего, и вьетнамского народов сложилась таким образом, что и страданий они хлебнули сполна, и чудеса массового героизма и самопожертвования явили миру не однажды.

К 75-ЛЕТИЮ ГРИГОРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОКШИНА

Вопрос. Какими были самые яркие, запоминающиеся события и люди того времени, которое во все учебники дипломатии вошло как «вьетнамская эпоха», какое значение с учетом этих примеров имеет «народной дипломатии» в нынешних условиях?

Ответ:

Так случилось в моей жизни, что мне пришлось с самого начала американо-вьетнамской интервенции во Вьетнаме непосредственно заниматься организацией массового движения солидарности с вьетнамским народом в Советском Союзе и сотрудничеством с многочисленными общественными движениями и организациями различных стран, включившимися в борьбу за прекращение войны во Вьетнаме.

Невозможно здесь привести имена тысяч самых выдающихся деятелей нашей науки, культуры и искусства, политических и общественных деятелей, рядовых граждан страны, отдававших силы и время, талант и вдохновение борьбе за прекращение американской агрессии во Вьетнаме словом и делом. Этого нельзя забывать ни в коем случае. Это был бесценный опыт действительно массового общественного движения, ставшего непреодолимой стеной на пути наиболее реакционных сил того времени, развязавших преступную войну. Расскажу лишь о нескольких запомнившихся и наиболее ярких событиях.